

Ирина Грищенко

Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого
Гуманитарно-экономический факультет
Беларусь
ORCID: 0000-0003-3231-8008

Реализация антицерковной политики советской власти в 1920-1930-е годы на Гомельщине

The anti-clerical policy of the Soviet government
in the 1920-1930 in the Gomel region

Antycerkiewna polityka władzy radzieckiej
w latach 1920-1930 na Homelszczyźnie

Аннотация: В статье охарактеризованы основные направления антицерковной политики советской власти в 1920-1930 гг. Анализируя архивные материалы по Гомельщине, автор показал реакцию рабочих и крестьян на политику большевиков по отношению к церкви. В статье представлены результаты конфронтации верующих и атеистического государства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, антицерковная политика, обновленчество, политические репрессии

Abstract: The article presents the characteristics of the main directions of anti-church policy of the Soviet power in the 1920-1930s. Base on archival material in the Gomel region, the authors showed the reaction of worker-peasant medium on Bolshevik policy against the church. The analysis results of the confrontation of believers and atheist state.

Keywords: Russian Orthodox Church, anti-church policy of the Soviet power, church shism, church dissents, political repression

Abstrakt: W artykule scharakteryzowano podstawowe kierunki antycerkiewnej polityki władzy radzieckiej realizowanej w latach 1920-1930. Analizując archiwalne materiały dotyczące obwodu homelskiego, autorka ukazała reakcję środowiska robotniczo-chłopskiego na politykę bolszewików wobec Cerkwi. W artykule przedstawiono rezultaty konfrontacji wierzących i ateistycznego państwa.

Słowa kluczowe: Rosyjska Cerkiew Prawosławna, polityka antycerkiewna, odnowicielstwo, Józefici, represje polityczne

Борьба с религией вообще и с Русской Православной Церковью в частности стала для большевиков важной составляющей их политики. Однако процесс строительства социализма принял своеобразный религиозный характер, что было отмечено рабочими фабрики «Красный Октябрь» г. Гомеля, которые негативно восприняли призыв закрыть церкви: «А разве теперь не верят, вот же утвердились в Ленине и Сталине. Это тоже своего рода религия. Теперь на каждом шагу услышишь – Ленин сказал, Сталин сказал»¹.

Антицерковный характер политики большевиков проявился в первых же законопроектах 1917-1918 гг. В соответствии с ними церковь лишалась прав юридического лица, ликвидировались духовные учебные заведения, государство не признавало церковный брак. Итогом стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). Несмотря на провозглашенную свободу совести, церковь была выведена за пределы общественной жизни.

Методы и формы борьбы с религией и церковью, предлагаемые вождем пролетариата, были весьма противоречивы. С одной стороны, В.И. Ленин призывал сражаться с духовенством идейным оружием, т.е. просветительно-пропагандистскими методами, не оскорбляя чувств верующих. С другой стороны, В.И. Ленин инициировал разграбление церковного имущества и репрессии в отношении духовенства. Репрессивные действия и факты глумления над святынями приходили в противоречие с советским законодательством. Принцип отделения церкви от государства нарушался грубым вмешательством властей во внутреннюю жизнь церкви. Если в первые годы советской власти антирелигиозные кампании отличались крайней агрессивностью, то в годы нэпа – период относительного либерализма советской системы – допускались дискуссии на религиозные темы, организовывались встречи большевистских агитаторов со служи-

¹ *Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроениях рабочих Гомеля 1930 г.*, Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 3. Оп.1. Д.714. Т. 2. Л. 13.

телями культа. Однако наряду с этим новая власть продолжала проводить изъятие церковных ценностей, вскрытие святых мощей, арестовывать наиболее активных священников, выступавших в поддержку Патриаршей церкви против обновленческого раскола. О бесправности православной церкви при советской власти можно судить по тому, как закрывались храмы. В Гомеле в 1923 г. была ликвидирована военная Свято-Георгиевская церковь. Ее имущество перенесли в Петропавловский собор. Власти считали, что колокола, паникадила не являются церковным имуществом и ограничились передачей церкви только икон и иконостаса². Судя по действиям властей, закрытие храма было самоцелью, а использование бывшего культового здания – вопрос второстепенный.

Непоследовательность действий большевиков в отношении церкви можно проследить по партийным циркулярам и сводкам ГПУ. «Закрытие церквей в деревне должно проводиться в административном порядке без нарушений законности. Нельзя создавать ореол мученичества вокруг религии и ее служителей. В то же время целесообразно усилить и развернуть агитацию за передачу церковных помещений под школы и иные культурные учреждения, за снятие части колоколов для тех или иных нужд»³. Циркуляр призывал партработников проявлять в работе с верующими такт, терпение и опираться на мнение большинства, которое (мнение) необходимо формировать в нужном партии направлении⁴. Циркуляр ЦК по вопросам антирелигиозной агитации предупреждал, что «нарочито грубые приемы вместо серьезного анализа и разъяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»⁵. Уничтожение икон – «священная» обязанность коммуниста

² Переписка с губисполкомом, уисполкомами и отделениями милиции о закрытии молитвенных домов. 1923 – 1925, Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 33-51об.

³ Циркуляры губкома укомам и райкомам Гомельской РКП, ГАООГО. – Фонд 2.– Оп. 1. – Д. 338. Л. 46.

⁴ Ibidem, Л. 54.

⁵ Ibidem, Л. 67.

и комсомольца и начинать нужно с собственного жилища, однако «сама процедура снятия икон и тем более их уничтожение, сопровождавшиеся глумлением над святыней, вызывали у крестьян негативную реакцию»⁶.

Болезненно реагировали жители деревень на непочтительное отношение к предметам религиозного культа в процессе закрытия церкви (д. Новый Радин Комаринского р.), ломку и битье икон (с. Яново Ветковского р.), расстрел икон из охотничьих ружей (д. Дворище Хойницкий р.), что нередко вызывало эксцессы⁷. К началу 1930-х гг. власти категорически запрещают проводить так называемые антипасхальные карнавалы с сожжением богов, вызывавшие недовольство и приводившие к столкновениям с жителями деревень. Подчеркивалась важность систематической пропагандистской работы, с привлечением специалистов высокой квалификации, рекомендовалось делать упор на научные открытия, якобы противоречащие религиозной картине мира⁸. Партийные инструкции и циркуляры предлагали антирелигиозную кампанию доверить учителям, беспартийным и так умело поставить антирелигиозную, антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна⁹.

Активизация антирелигиозной работы приходилась на канун больших церковных праздников – Пасхи, Рождества, Благовещенья и др. Как правило, на эти дни составлялись планы проведения «комсомольской пасхи»: субботники накануне Пасхи, в Пасхальное воскресенье в клубах организовывали «Вечера Коперника», спектакли, концерты, танцы¹⁰. Все это вызывало раздражение у рабочих, которые, кроме нежелания работать сверхурочно, хотели встретить Пасху в церкви.

⁶ Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации, ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 514. Л. 145.

⁷ Отчеты ГПУ о коллективизации..., Л. 116.

⁸ Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы, ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 489. Л. 22-22 об.

⁹ Циркуляры губкома..., Л. 55.

¹⁰ Резолюции и циркуляры..., Л. 56, 75, 84.

В сводках ГПУ отмечалась крайне неудовлетворительная работа в области антирелигиозной агитации на гомельских предприятиях «Красный Мельник», «Красный Химик», «Везувий», «Гомсельмаш», «Красный Октябрь». На фабрике «Везувий» большой процент рабочих составляли бывшие крестьяне, чем советское руководство объясняло их религиозность. Так на Благовещенье 1930 г. каменщики и плотники массово не вышли на работу (150 человек). Рабочие кирпичного завода на антирелигиозную агитацию отвечали: «все эти антирелигиозные демонстрации и доклады не нужны, стариков не сагилируешь, пусть каждый поступает как хочет в деле веры»; «мы должны праздновать наш праздник (Пасху). За границей же все празднуют, в том числе и рабочие. У нас партийцев и комсомольцев меньше, чем беспартийных, поэтому как постановим, так и будет»¹¹. На фабрике «Красный Октябрь» на беседу о вреде религии была резкая реакция со стороны рабочих: «Все же когда-то было лучше, а что теперь – соцсоревнования, а кушать нечего. Если придут ко мне за подписью о закрытии церкви, я не подпишусь». «Компартия потеряла доверие, озлобила крестьян, разорила их хозяйства, а нам рабочим не лучше, это соцсоревнование вытягивает все соки, нет даже свободной минутки, а мы дурни работаем»¹². 13 апреля 1930 г. собрание на антирелигиозную тему состоялось в 9-й железнодорожной школе. Присутствовали в основном жены железнодорожников. Собрание прошло бурно. Рабочие возмущались закрытием церкви: «если церкви закрываются, то закройте тогда школы и синагоги»¹³. Железнодорожный рабочий выступил с заявлением: «Теперь молиться можно, и церкви, помимо желания верующих, не могут быть изъяты»¹⁴. Работник почтово-телеграфной конторы заявил, что хоть и приходится работать в пасхальные дни, но дома все равно будет чувствоваться праздник: «Если бы мне пришлось работать первый день пасхи

¹¹ *Отчеты ГПУ о коллективизации...*, Л. 11.

¹² *Ibidem*, Л. 12.

¹³ *Ibidem*, Л. 13.

¹⁴ *Ibidem*, Л. 14.

и платили бы по 4 рубля сверх жалованья, я бы не согласился, а на 1 мая с удовольствием бы поработал и имел бы лишнюю троячку». «Кто надумал праздновать, все равно на работу не выйдут. Возьмите коллективизацию, Сталин пишет, чтобы колхозы создавались на добровольных началах, здесь так же надо решать». «В первый день Пасхи я никогда не работал и в дальнейшем не буду работать. Я воспитан в таком духе и меня теперь никто не сагитирует, чтобы я от этого отказался, хотя нас мало, но мы еще веруем». «Все заставляют делать силой. От праздников заставляют отказываться, детей заставляют приносить из дома иконы, чтобы их уничтожить, а иначе увольняют из школы. Если я схожу в церковь, то этим никому вреда не принесу. Попы никакого подрыва в рабочих не делают, а подрывы делают руководители, которые смотрят не там, где надо». «Не вышел на работу, потому что у меня пасха, и я хожу в церковь и в дальнейшем буду посещать, я родился христианином и умру им»¹⁵. В результате в первый день Пасхи 1930 г. не вышло на работу 60% рабочих г. Гомеля. Как отмечается в отчетах ГПУ под поповским влиянием оказались не только беспартийные, но и рабочие-коммунисты. Посещаемость церкви на Пасху в 1930 г. значительно выросла по сравнению с прошлым годом. О том, чтобы пойти в клуб на танцы рабочие говорили, что танцы в клубах бывают часто, а такая служба раз в году, так лучше пойдем в церковь¹⁶. Возмущения рабочих порой приобретали откровенно антисоветский характер: «Недаром за границей говорят о преследовании религии в России»; «Я бы дал 4 тысячи рублей, чтобы вернуть старые порядки»¹⁷. Рост посещаемости церкви к началу 1930-х гг. можно объяснить разочарованием той части населения, ради которой большевиками был поставлен социалистический эксперимент.

Советское руководство в рамках антицерковной политики попыталось использовать реформаторский потенциал самой Церкви. Часть духовенства была нацелена на радикальную

¹⁵ Ibidem, А. 35-38.

¹⁶ Ibidem, А. 30-31.

¹⁷ Ibidem, А. 268.

реорганизацию внутрицерковной жизни, что нашло свое выражение в обновленческом движении. Спорным для историков остается вопрос, было ли обновленчество 1920-х гг. генетически связано с либеральным церковным движением начала XX в. Сравнивая идеологию обновленцев и «группы 32-х» следует учитывать исторический контекст и условия, в которых развивались эти движения. Для церковных либералов начала XX в. («группа 32-х» – крайне левая на их фоне) важно было отстоять главный канонический принцип Церкви – ее соборность. Это позволило бы, с одной стороны, освободиться от «коварного попечения» о Церкви со стороны государства, с другой стороны – обрести свой собственный голос. Для обновленцев 1920-х гг. так называемая «реформа», ими задуманная, напротив, толкала Церковь в новую государственную кабалу, но теперь это была зависимость от государства атеистического. Церковные либералы начала XX в. не замахивались на канонические и догматические устои Церкви. Обновленцы 1920-х гг. именно это поставили во главу угла своей программы.

При характеристике обновленчества следует учитывать, что в его рядах были и рядовые священники, далекие от политики, и карьеристы, и идейные модернисты. Показательна оценка обновленчества писателем В. Шаламовым, отец которого был священником и горячим сторонником обновленчества. Писатель подчеркивал, что у этого движения были «другие истоки и пути, чем пути реализации философских исканий русского священства» в начале XX в. Восторгаясь А. Введенским, лидером «Союза общин Древлеапостольской Церкви», В. Шаламов отмечал как достоинство светский характер его проповедей и выступлений на диспутах, не видя при этом ничего не каноничного в действиях церковного реформатора, таких, например, как канонизация А. Введенским собственной матери. Не смущала В. Шаламова и христология А. Введенского, в рамках которой Христос – «земной революционер невиданного масштаба»¹⁸.

¹⁸ В.Т. Шаламов, *Четвертая Вологда*, [в того же:] *Кольмские рассказы: повести, рассказы*, Эксмо, Москва 2010, с. 107, 109, 111.

О мировоззрении обновленцев красноречиво свидетельствует дело гомельского священника, популярного проповедника, общественного деятеля, историка Федора Жудро. Арестованный за участие в Стрекопытовском мятеже, протоиерей Федор Жудро в своем заявлении на имя товарища комиссара юстиции отмечал: «Ни по складу своих убеждений, ни по своим действиям я не принадлежал и не принадлежу к противникам революции. Знакомый с социалистической литературой еще со школьной скамьи, я ясно видел, что непреложные законы человеческого развития ведут к крушению капиталистического строя и утверждению социализма»¹⁹. Об умонастроении убежденных обновленцев 1920-х гг. могут свидетельствовать некоторые положения проповеди «левого священника» Федора Жудро: «Вспомним, как Христос относился к неравномерному распределению благ земных. «Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные» [...] Братие, нынешняя власть наша борется всеми силами с неравномерным распределением земных благ, так называемым капиталистическим строем, за коммунизм, за уничтожение собственности и обобщение имений. [...] Не верьте же тем людям, которые говорят, что коммунизм – учение противохристианское»²⁰. Постановлением Гомельского губревтрибунала от 25 октября 1919 г. священник Федор Жудро был освобожден досрочно²¹.

Разработчиком обновленческой диверсии стал VI отдел ОГПУ. Для большевистского руководства обновленчество – способ дискредитировать Церковь в глазах верующих, расколоть ее изнутри и уничтожить по частям. Сотрудничество с так называемыми «новыми церковниками» – тактический ход большевистской партии, а не идейная позиция. Циркуляр Гомельского губернского комитета РКП(б) в отношении обновленчества отмечал, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть

¹⁹ Дело по обвинению Жудро Ф.В. в участии в Стрекопытовском мятеже. 7 октября 1919 – 25 октября 1919, ГАГО. Ф.100. Оп. 1. Д. 598. Л. 6.

²⁰ Ibidem, Л. 5.

²¹ Ibidem, Л. 1-4.

контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана»²².

Связь лидеров обновленчества с советскими спецслужбами служит еще одним доказательством провокационного характера обновленческих «реформ». Многие обновленческие приходы существовали только потому, что священники-обновленцы получали регистрацию, а тихоновцы – нет. В 1928 г. с санкции ГПУ в распоряжение обновленцев Гомеля был отдан кафедральный Свято-Петро-Павловский собор²³. Поездка по Белоруссии идеолога обновленчества А. Введенского контролировалась лично Е.А. Тучковым, начальником VI отдела ОГПУ, в компетенции которого находилась агентурно-оперативная работа с церковниками²⁴. Однако афиширование контактов со спецслужбами было нежелательно, поэтому белорусское руководство ГПУ обратилось в VI отдел ОГПУ с просьбой убрать гомельского священника Сергия Канарского с должности уполномоченного, поскольку «Канарский почти не прячет своей связи с органами ОГПУ и на работе применяет методы совсем недопустимые и компрометирующие органы ОГПУ»²⁵.

Заинтересованность советской власти в успехе обновленчества объяснялась так же желанием создать себе определенный имидж на Западе, как власти толерантной, демократичной, гуманной. Поэтому, комментируя арест патриарха Тихона, власти настаивали на правильной оценке своей политики со стороны обновленческого собора: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера, как врага рабоче-крестьянской власти. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что

²² *Циркуляры губкома...*, Л. 55.

²³ Д. Шиленок, *Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922-1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии)*, Москва 2006, с. 96-97.

²⁴ У.І. Навіцкі, *Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.)*, «Беларускі гістарычны часопіс» 2003, № 2, с. 48.

²⁵ У.І. Навіцкі, *Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.)*, «Беларускі гістарычны часопіс» 2003, № 3, с. 18.

мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета»²⁶.

О драматизме этого периода истории РПЦ можно судить по тому, как непросто было разобраться в сложившейся ситуации даже духовно опытным пастырям. Так, например, к обновленцам на короткое время примкнули епископ Варлаам (Ряшенцев) и епископ Иоанн (Пашин). Оба епископа впоследствии многое сделали для борьбы с расколом. Гомельский священник Павел Гинтовт присоединился к «Живой церкви», позже к группе «Союз общин Древлеапостольской Церкви» и стал одним из руково-дителей обновленческого движения на Гомельщине в 1922-1924 гг., но разобравшись в сути обновленчества, энергично боролся с последствиями раскола. В 1933 г. за бескомпромиссную позицию в отношении обновленчества протоиерей Павел Гинтовт был расстрелян²⁷. В 1920-е гг. в гомельской Свято-Никольской (Полесской) церкви служил протоиерей Петр Рылло. Сохранились его воспоминания, в которых священник отмечал, что примкнув к обновленцам, себя идейным сторонником «Живой церкви» он не считал. Борьба же за возвращение гомельских приходов в патриаршую церковь нередко оборачивалась борьбой честолюбий. Вот как описывает события 1924 года протоиерей Петр Рылло: «Гомельское духовенство, убедившись с одной стороны, что обновленчество пошло по сектантскому пути, с другой, будучи побуждаемо верующими, решило оставить обновленчество и воссоединиться с патриархом Тихоном. Кто был инициатором воссоединения – не знаю. Может быть о. А. Зыков, который был идеологом обновленчества на Гомельщине и вообще в Могилевщине, может кто другой, но факт, что сдвиг был сделан. Среди духовенства разговоры о воссоединении были, но от меня это держалось в тайне. Только через некоторое время я узнаю от своих прихожан, что воссоединение гомельских приходов во главе со своим духовенством уже свершившийся факт». Петр Рылло не

²⁶ *Циркуляры губкома...*, Л. 55.

²⁷ *Мартиролог Гомельской епархии (1917-1953): биографический справочник*, авт.-сост. А.В. Слесарев. Минск 2017, с. 86.

гомельчанин, священник со стороны и его заставили пройти через публичное покаяние, хотя он лично получил от патриарха Тихона телеграмму с благословением на воссоединение прихода Полесской церкви²⁸.

После освобождения патриарха Тихона из-под ареста (июль 1923 г.) отпавшие в обновленчество иерархи и духовенство стали массово возвращаться под патриарший омофор. Немаловажную роль в этом процессе сыграла позиция мирян. Многие священники перешли к «тихоновцам» под давлением своих приходов. В протоколе совещания агитпропа (АПО) Гомельского губкома от 23 января 1926 г. отмечалось, что с 1922 г. в губернии побывало около 7 епископов (обновленцев) «и все они своим поведением (пьянство и т.д.) окончательно себя скомпрометировали в глазах верующих и были прогнаны». В гомельских губернских отчетах ГПУ и АПО констатируется, не без озабоченности, что обновленческие группы быстро распадаются: «Объясняется это тем, что служители религиозного культа шли в обновленчество целыми пачками» в надежде получить покровительство власти, но, «убедившись, что никакой выгоды не получали, быстро исчезали»²⁹. Не следует забывать, что большинство белого духовенства были аполитичны и многие, не разобравшись в хитросплетениях антицерковной политики большевиков, считая обновленческий Синод единственной легальной церковной властью (а так оно и было до освобождения патриарха), переходили в обновленчество, не разделяя его идеологию. В итоге обновленчество деградировало как модернистский проект радикально настроенного духовенства и провалилось как провокационный проект ОГПУ.

3 апреля 1925 г. в Гомель прибыл викарный епископ Могилевской епархии Тихон (Шарапов) (1886 - 1937), доверенное лицо патриарха Тихона. Его активность в борьбе с расколом вызвала озабоченность местных властей. Из Гомеля в Москву

²⁸ *Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись)*, Архив Гомельской епархии, Л. 72-73.

²⁹ *Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925-1926*, ГАООГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 818. Л. 74.

в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «[...] епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2-3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...»³⁰. Епископ Тихон пробыл в Гомельской епархии недолго, в 1925 г. он был арестован и доставлен в Москву. Пройдя череду ссылок, лагерей и арестов в сане архиепископа Алма-Атинского владыка Тихон (Шарапов) был расстрелян в 1937 г.³¹.

Сворачивание нэпа, начало индустриализации и коллективизации ускорили процесс закрытия храмов, а репрессии в отношении верующих пошли по нарастающей. В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», поставивший церковь под жесткий контроль государства. Начавшаяся коллективизация сельского хозяйства предрешила судьбу монашества. Монастыри еще существовали в 1920-е гг. как сельскохозяйственные коммуны, теперь эти социальные институты воспринимались как чуждые социалистическому образу жизни. Право окончательного решения по закрытию церкви передавалось областным и краевым советам, что ускорило процесс ликвидации церковных приходов. Бесцеремонно закрыли Никольскую (Полесскую) церковь в Гомеле. В июле 1929 г. Правление Западных железных дорог начало строительство кирпичного здания. Приходской совет Полесской церкви обратился в окружной административный отдел с заявлением, выразив недовольство тем, что строительство затронуло церковный двор. Были уничтожены плодовые деревья, поломана

³⁰ Отчеты ГПУ о коллективизации..., Л. 59.

³¹ О.В. Косик, *Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов)*, Москва 2011, с. 278.

ограда, строительные материалы складывались вокруг церкви³². Отчаяние заставило верующих обратиться к обновленческому архиепископу Досифею (Степанову) с просьбой принять их в свое ведение. Но даже это не спасло бы приход от закрытия храма³³.

К началу 1930-х гг. многие городские церкви были закрыты, действующие церкви по большей части сохранились в деревнях. Поэтому во многих местах создание колхоза не только сопровождалось, но и начиналось с закрытия храма и снятия колоколов, что нагнетало обстановку в деревне и создавало негативный имидж колхозным активистам. ЦК ВКП(б) в постановлении от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями в колхозном движении» осудило перегибы в отношении религии, отметив, что закрытие церквей допустимо «лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян»³⁴. В то же время, в случае сопротивления верующих, рекомендовалось «разъяснять и доказывать необходимость закрытия церкви»³⁵. Таким образом, отступление от намеченного курса по ликвидации церковной жизни было тактическим ходом и мало что меняло в практической реализации этого курса. В соответствии со сталинской доктриной об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма, церкви отводилась роль естественного противника советской власти.

Коллективизация и антирелигиозная пропаганда и в практике властей, и в сознании населения составляли единое целое. На собраниях по поводу организации колхозов крестьяне часто спрашивали: «Как могут существовать церкви, если мы пойдем в колхоз?»³⁶ В ряде случаев крестьяне ставили условие: «Мы

³² *Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928-1929*, ГАГО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 176. Л. 83, 86.

³³ *Ibidem*, Л. 3.

³⁴ М.В. Шкаровский, *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах)*, Москва 2005, с. 89.

³⁵ *Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930*, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 622. Л. 113.

³⁶ *Протоколы районной конференции женщин-батрачек, общих собраний по перевыборам делегатских собраний Юровичского района*, ГАООГО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 43. Л. 31.

будем работать в колхозе, но только чтобы у нас церковь была открыта» (с. Макановичи Хойникского района)³⁷. Во многих деревнях закрытие церкви проводилось грубо, с кощунствами в отношении святынь. Это вызывало эксцессы, как, например, в с. Гордуны Тереховского района. 24 апреля 1930 г. колхозники приступили к снятию крестов с церкви, изъятой у верующих три месяца тому назад. «Толпа набросилась на колхозников, бросали камни, не давая снимать кресты. В результате чего колхозники разбежались»³⁸. В д. Дворище Хойникского района 1 марта 1930 г. двое колхозников расстреляли иконы, изъятые в свое время у церкви. Происходило это на глазах женщин, шедших в церковь³⁹. В д. Новый Радин Комаринского района председатель колхоза, член КП(б)Б Митрохович, секретарь сельсовета Шаврей, местный учитель, ветеринарный фельдшер и несколько комсомольцев 2 марта 1930 г. учинили в церкви дебош – танцевали, одевали на себя ризы, «венчались» – «в результате чего имело место массовое выступление толпы женщин с протестами»⁴⁰. В мае 1929 г. сельсовет в Корме распорядился сломать каплицу возле родника, построенную вдовами кормянского прихода в 1899 г. в честь Владимирской иконы Божией Матери. Церковная ограда Свято-Покровской церкви в Корме была также сломана, территория церковного сада использовалась сельсоветом, что нарушало условия договора с приходской общиной. Гомельские власти формально упрекнули сельсовет за самоуправство, а общине верующих цинично предложили составить смету для постройки новой каплицы⁴¹.

Неудачи в колхозном строительстве власти объясняли негативным влиянием реакционного духовенства и вредитель-

³⁷ Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 622. Л. 177.

³⁸ Ibidem, Д. 623. Л. 82.

³⁹ Переписка с партийными организациями, органами ГПУ, милицией о фактах нарушения революционной законности, ЧП, ликвидации неграмотности. 1929-1930, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 502. Л. 282.

⁴⁰ Ibidem, Л. 283.

⁴¹ Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928-1929, ГАГО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 176. Л. 67-68об.

ством со стороны антисоветских элементов. Однако непопулярность колхозов отражает повсеместная реакция крестьян на статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» – крестьяне начали массово выходить из колхозов, ссылаясь на принцип добровольности. Ситуацию, сложившуюся в деревне, передает письмо, составленное 17 апреля 1930 г. председателем Бывальковского сельсовета Е.И. ордиенко на имя т. А.Г. Червякова: «Женщины не хотят идти в колхоз. Народ очень религиозен, батюшка забран, церковь закрыта и теперь никак нельзя проводить массовой работы. Где бы ни стали проводить собрание, сейчас же начинают спрашивать за батюшку. Ко мне неделю ходили крестьяне, чтобы я им дала справку, чтобы им дали батюшку. Крестьяне требовали внести этот вопрос на общее собрание. Когда же этого не сделали, то при обсуждении вопроса о заготовке картофеля, крестьяне заявили, что будет батюшка, тогда будет и бульба. Когда разъяснили, что колхоз – организация добровольная, стали выходить. Из 150 хозяйств осталось 23. Крестьяне недоверчивы, особенно беднота. В состав сельсовета не голосуют за колхозников. Дайте совет, как дальше работать. Особенно, как проводить массовую работу среди верующих крестьян, где так стоят за батюшку»⁴².

Трагедией деревни стали массовые выселения крестьянских семей. Письма ссыльных свидетельствуют о том, в каких условиях они оказывались: «Куда везут, неизвестно. Едем уже второй день и за все время нас не выпускают на двор, воздух в вагоне невыносимый, у всех испортились желудки, цвет лица изменился – желтые и измученные»⁴³. В письмах ссыльных содержатся просьбы к родственникам забрать хотя бы детей, так как в местах ссылки высокая смертность.

Возмущались политикой советского государства не только крестьяне, но и рабочие Гомеля. На вагоно-ремонтном заводе можно было услышать: «Вот начали гнать мужиков, что и вагонов

⁴² *Постановления, сведения о колхозном строительстве, работе среди бедноты, партийно-массовой работе на селе. 1929-1930*, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 599. Л. 10.

⁴³ *Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930*, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 622. Л. 87-88.

не хватает, людей везут как скот – по 50 человек в вагоне [...] выброшенные дети ползают по снегу, замерзают, а все благодаря политике Сталина»⁴⁴. Служащие станции Гомель сетовали: «В старое время в Сибирь так высылали разбойников, как теперь высылают крестьян-мучеников. Такого обращения с людьми не было ни при одном правительстве»⁴⁵. Курсант школы охраны Гришин при разговоре со стрелками по поводу выселения кулаков сказал, что когда он сопровождал эшелон с выселяемыми в Сибирь кулаками, то не мог хладнокровно смотреть, «как мучается ни в чем не повинный народ»⁴⁶. Два уполномоченных Гомельского РИКа (фамилии не установлены) расплакались от жалости к выселяемым.

В начале 1930-х крестьяне часто ходатайствовали за своих односельчан. Бывали вопиющие, с точки зрения властей, случаи, когда в этом принимали активное участие коммунисты и комсомольцы, члены сельсоветов. Так, Ассаревичская ячейка АКСМБ и отдельные кандидаты в члены партии ходатайствовали об освобождении и взятии на поруки дьячка Ассаревичской церкви Галка Павла, арестованного органами ГПУ за антисоветскую деятельность. Гомельский окружной отдел ГПУ убедительно просил передать по местам, что подобные ходатайства «затрудняют работу органов». Коммунистов и комсомольцев предупредили, что за участие в подобных акциях они будут привлекаться к партийной ответственности со всеми вытекающими последствиями⁴⁷. Проявление милосердия, человеческого участия к жертвам террора становилось преступлением. Церковь не могла остаться в стороне от той драмы, которую переживала деревня. Некоторые семьи приглашали священников отслужить молебен и благословить их на дорогу (с. Терюха Гомельского района)⁴⁸. 18 марта 1930 г. при проезде обоза

⁴⁴ Ibidem, Л. 86-87.

⁴⁵ Ibidem, Д. 623. Л. 66.

⁴⁶ Ibidem, Л. 60.

⁴⁷ *Переписка с партийными...*, Л. 299об.-230.

⁴⁸ *Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930*, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 622. Л. 21.

с выселяемыми по г. Речице священник Бутон вышел из дома с крестом и благословлял проезжавших⁴⁹.

В отчетах райкомов отмечалось, что празднование советских праздников (1 Мая, 7 ноября) проходит без энтузиазма, особенно в районах, где много единоличных хозяйств. В д. Чиколовичи Комаринского района на 30 апреля 1930 г. было намечено открытие клуба в здании бывшей церкви. На мероприятие пришло только десять человек. Многие женщины заявили, что они никогда туда не пойдут, и будут требовать возвращения церкви⁵⁰. Нередко приход в церковь был своеобразной формой протеста против политики советского руководства. Например, в с. Старая Белица Уваровичского района сложилась крепкая церковная община, которая имела большое влияние на молодежь. Некоторые молодые люди по поводу коллективизации дерзко заявляли: «Хоть и не верим, а в церковь будем ходить на зло вам»⁵¹. Озабоченность у властей вызывало индифферентное отношение учителей к советским пропагандистским кампаниям: «Учителя в деревне замкнулись, в общественной работе не участвуют. Деревенские партийцы много религиозничают, прикрываясь религиозностью жены. Гордуновский учитель среди учеников ведет агитацию против открытия семилетки в церкви. Гордуновская учительница перед Пасхой посылала учеников целовать плащаницу. Некоторые члены партии на Пасху приготавливали куличи, многие партийцы имеют до сих пор иконы»⁵².

Непростая ситуация сложилась в связи с «Декларацией 1927 года» митрополита Сергия (Страгородского). Тяжелый для руководства Патриаршей церкви компромисс многие расценили как предательство Церкви. Часть священнослужителей, монашествующих, мирян ушли в оппозицию, не приняв идею сотрудничества церкви с безбожной властью (движение непоминающих, иосифлян). На Гомельщине «правая» оппозиция

⁴⁹ Ibidem, Л. 37.

⁵⁰ Ibidem, Д. 623. Л. 129.

⁵¹ Ibidem, Д. 622. Л. 44.

⁵² *Протоколы партконференций, заседаний бюро, партсобраний, совещаний Тереховского райкома. 1927-1928*, ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 230. Л. 37.

имела довольно широкое распространение, охватив Гомельский, Ветковский, Чечерский, Уваровичский, Буда-Кошелевский и Тереховский районы⁵³. К непоминающим примкнули многие монашествующие (насельницы Ченковского Свято-Успенского монастыря Гомельского района, Буйничского Свято-Духова монастыря Могилевской епархии), но единодушия в монашеской среде относительно «Декларации 1927 г.» не было.

В рамках антирелигиозной кампании советские органы власти делали все возможное для ликвидации духовенства как класса. В первую очередь репрессировались активные священники, пользовавшиеся уважением и авторитетом у населения. В феврале 1930 г. тройка ПП ОГПУ по БВО приговорила Каешко Герасима Матвеевича к высшей мере наказания. Его семья была выслана, крестьяне, проходившие по этому делу, получили различные лагерные сроки. Столь суровый для рубежа 1920-1930 гг. приговор был вызван невероятными результатами деятельности иеромонаха Герасима (Каешко), уроженца д. Кобылянка (Рассветная) Уваровичского района. В 1926 г. он восстановил храм в Даниловичах, сгоревший в 1915 г. А в 1927-1928 гг. построил церковь в Кобылянке, на земле, принадлежавшей его семье. Удивляет время постройки храмов. Вину перед советской властью усугубляло то, что иеромонах Герасим принадлежал к иосифлянам⁵⁴. В 1931 г. священник Поколюбич-ской церкви Гомельского района Попович Федор Петрович, так же принадлежавший к «правой» церковной оппозиции иосифлян, и пользовавшийся популярностью у молодежи, получил пять лет ИТЛ и дальнейшая его судьба не известна⁵⁵. За антисоветскую агитацию пять лет ИТЛ в апреле 1931 г. получил Чепков Василий Петрович, иерей церкви с. Еремино Гомельского района. После досрочного освобождения

⁵³ А.В. Слесарев, *История «правой» церковной оппозиции (иосифлянства) на Гомельщине в 1928-1941 гг.*, «Труды Минской духовной академии» 2014, № 11, с. 145-146.

⁵⁴ *Ibidem*, с. 148, С.В. Цыкунов, В.А. Ветошкин, *Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район*, Гомель 2017, с. 57-64.

⁵⁵ *Мартиролог Гомельской...*, с. 239-240.

в 1933 г. он поселился в с. Бобовичи и нелегально совершал богослужения в деревнях Гомельского района. После второго ареста в мае 1938 г. священник Василий Чепков был расстрелян 29 сентября 1938 г.⁵⁶

В июле-августе 1937 г. Гомельский отдел НКВД провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек, выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников». Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР были приговорены к расстрелу все гомельские священники (как «иосифляне», так и «сергиане»), активные миряне (среди них староста церкви с. Урицкое Е.Ф. Лелехова). Приговор был приведен в исполнение 1 ноября 1937 г. От репрессий не спасал и отказ от священнического сана. Г.А. Жудро, служивший в Рогачевском районе и сложивший с себя сан, в 1930 г. был приговорен к высылке в Сибирь. В.П. Зорин, бывший священник Ченковского Свято-Успенского женского монастыря, несмотря на публичное отречение от сана в 1931 г., был расстрелян 1 ноября 1937 г. Так же были репрессированы бывшие священнослужители П.В. Скорубский и В.И. Еськов⁵⁷.

К началу 1941 г. на территории Гомельской области не осталось ни одного действующего храма и ни одного официально зарегистрированного православного священнослужителя. Церковная жизнь сохранялась на уровне приходской общины в условиях подпольного существования. Еще в начале 1920-х гг. советский агитпроп подчеркивал, что трудность борьбы с религией, этим «последним оплотом реакции», заключается в ее укорененности в подсознании людей⁵⁸. Одних только агитационных методов борьбы с религией советской власти было недостаточно. Репрессии в отношении духовенства и верующих стали составной частью общей политики советского государства.

⁵⁶ Ibidem, с. 244-245.

⁵⁷ Ibidem, с. 315-318.

⁵⁸ *Протоколы собраний АПО губкома РКП(б). 1922-1923*, ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1660. Л. 50.

Библиография / References

Arhivnye materialy: [Архивные материалы:]

Delo po obvineniû Žudro F.V. v učastii v Strekopytovskommâteže. 7 oktâbrâ 1919 – 25 oktâbrâ 1919, Gosudarstvennyj arhiv Gomel'skoj oblasti (GAGO). [Дело по обвинению Жудро Ф.В. в участии в Стрекопытовском мятеже. 7 октября 1919 – 25 октября 1919, Государственный архив Гомельской области (ГАГО).]

Dnevnik protoiereâ Petra Rylo (rukopis'), Arhiv Gomel'skoj eparhii. [Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись), Архив Гомельской епархии.]

Materialy o registracii religioznych obšestv po Gomel'skomu okrugu. 1928–1929, GAGO. [Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928-1929, ГАГО.]

Otčety GPU o kollektivizacii, industrializacii, nastroeniâh rabočih Gomelâ 1930 g., Gosudarstvennyj arhiv obšestvennyh ob"edinenij Gomel'skoj oblasti (GAOOGO). [Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроениях рабочих Гомеля 1930 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).]

Perepiska agitpropa Gomel'skogo ukoma RKP s volkomami po voprosu agitraboty, GAOOGO. [Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы, ГАООГО.]

Perepiska s gubispolkomom, uispolkomami i oddeleniâmi milicij o zakrytii molitvennyh domov. 1923-1925, GAGO. [Переписка с губисполкомом, уисполкомами и отделениями милиции о закрытии молитвенных домов. 1923 – 1925, ГАГО.]

Perepiska s partijnymi organizaciâmi, organami GPU, miliciej o faktah narušeniâ revolûcionnoj zakonnosti, ĆP, likvidacii negramotnosti. 1929-1930, GAOOGO. [Переписка с партийными организациями, органами ГПУ, милицией о фактах нарушения революционной законности, ЧП, ликвидации неграмотности. 1929-1930, ГАООГО.]

Perepiska ukoma VKP(b) s partijnymi sovetskimi organami. 1925-1926, GAOOGO. [Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925-1926, ГАООГО.]

Postanovleniâ, svedeniâ o kolhoznom stroitel'stve, rabote sredi bednoty, partijno-massovoj rabote na sele. 1929-1930, GAOOGO. [Постановления, сведения о колхозном строительстве, работе

- среди бедноты, партийно-массовой работе на селе. 1929-1930, ГАООГО.]*
- Protokoly partkonferencij, zasedanij büro, partsobranij, sovešanj Terehovskogo rajkoma. 1927-1928, GAOOGO. [Протоколы партконференций, заседаний бюро, партсобраний, совещаний Тереховского райкома. 1927-1928, ГАООГО.]*
- Protokoly rajonnoj konferencii ženšin-batraček, obših sobranij po perevyboram delegatskih sobranij po perevyboram delegatskih Sobranij ūrovičskogo rajona, GAOOGO. [Протоколы районной конференции женщин-батрачек, общих собраний по перевыборам делегатских собраний Юровичского района, ГАООГО.]*
- Protokoly sobranij APO Gubkomarkp(b). 1922-1923, GAOOGO. [Протоколы собраний АПО губкома РКП(б). 1922-1923, ГАООГО.]*
- Rezolūcii i cirkulāry CK i gubkoma po voprosam antireligioznoj agitacii, GAOOGO. [Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации, ГАООГО.]*
- Svodki okružnogo administrativnogo otdela i dorožno-transportnogo otdela OGPU. 1930, GAOOGO. [Сводки окружного административного отдела и дорожно-транспортного отдела ОГПУ. 1930, ГАООГО.]*
- Cirkulāry gubkoma ukotam i Rajkotam Gomel'skoj RKP, GAOOGO. [Циркуляры губкома укомам и райкотам Гомельской РКП, ГАООГО.]*

Literatura: [Литература:]

- Kosik O.V., Golosa iz Rossii: Očerki istoriisbora i predači za granicu informacii o položenii Cerkvi v SSSR (1920-e – načalo 1930-h godov), Moskva 2011. [Косик О.В., Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов), Москва 2011.]*
- Martirolog Gomel'skoj eparhii (1917-1953): biografičeskij spravočnik, avt.-sost. A.V. Slesarev, Minsk 2017. [Мартиролог Гомельской епархии (1917-1953): биографический справочник, авт.-сост. А.В. Слесарев, Минск 2017.]*
- Navitski U.I., Palityka raskolu ruskaŭ pravoslavnaŭ tsarkvy w Byelarusi (1920-ya hh.), «Byelaruskі histarychny časopis» 2003, № 2. [Навіцкі У.І., Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.), «Беларускі гістарычны часопіс» 2003, № 2.]*

- Navitski U.I., *Palityka raskolu ruskaŭ pravaslawnaj tsarkvy w Byelarusi (1920-ya hh.)*, «Byelaruski histarychny chasopis» 2003, № 2. [Навіцкі У.І., *Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.)*, «Беларускі гістарычны часопіс» 2003, № 3.]
- Slesarev A.V., *Istoriâ «pravoj» cerkovnojoppozicii («iosiflânstva») na Gomel'sine v 1928-1941 gg.*, «Trudy minskoj duhovnoj akademii» 2014, № 11. [Слесарев А.В., *История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928-1941 гг.*, «Труды Минской духовной академии» 2014, № 11.]
- Сукунов С.В., Ветошкин В.Л., *Istoričeskie svedeniâ o prihodaх Gomel'skoj eparchii. Gomel'skij rajon, Gomel'* 2017. [Сукунов С.В., Ветошкин В.Л., *Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район, Гомель* 2017.]
- Šalamov V.T., *Četvertaâ Vologda*, [v togo že:] *Kolymskie rassказы: povesti, rassказы*, Moskva 2010. [Шаламов В.Т., *Четвертая Вологда*, [в того же:] *Колымские рассказы: повести, рассказы*, Москва 2010.]
- Šilenok D., *Iz istorii Pravoslavnoj Cerkvi v Belorussii (1922-1939): («Obnovlenčeskij» raskol v Belorussii)*, Moskva 2006. [Шиленок Д., *Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922-1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии)*, Москва 2006.]
- Škarovskij M.V., *Russkaâ Pravoslavnaâ Cerkov' pri Staline i Hruševe. (Gosudarstvenno-cerkovnye otnošeņiâ v SSSR v 1939-1964 godah)*, Moskva 2005. [Шкаровский М.В., *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах)*, Москва 2005.]